Его имя было Синдзи Икари, и он был тихим, скромным молодым человеком, который держался особняком, казалось бы, не интересуясь делами всего остального мира и людьми вокруг него. Зачастую он казался бесхребетным, и подчинялся прихотям любого более могущественного, чем он сам, не обладая ни уверенностью в себе, ни самоуважением. Он просто существовал, игнорируя остальных, а они, в свою очередь, игнорировали его. Это была ложь.

В лучшем случае, Синдзи видел этих ноющих придурков, окружающих его, полезными только в качестве глины, что необходимо сформировать согласно его желаниям, в худшем - он презирал их за то, как они свысока смотрели на него, за то, что они отказывались видеть дальше того что лежало на поверхности и признать очевидную истину его превосходства. Синдзи скрывал свои пристрастия и истинный интеллект потому что для него было удобно скрываться за маской. Удобно тем, что идиоты не могли увидеть того, что им следует бояться не края урагана, но ока.

Одно слово здесь, изощренное выражение там, разные мелочи, например как взмах крыльев бабочки, и Синдзи посеет ветер, чтобы пожать бурю, хихикая про себя над уничтожением глупцов окружающих его. Целые состояния росли и падали по одной его прихоти, жалкие юношеские взаимоотношения создавались и разрушались так как он считал нужным. Он был кукловодом, и никто не видел ниточек, которые связывали их движения с ним.

Тем не менее, его собственная антипатия к окружающим его детям означала, что он позволял себе такое тайное руководство только тогда, когда стремился отомстить... или попрактиковаться. Несмотря на весьма долгие периоды скуки, на которые жаловались его учителя, он отказывался участвовать в настолько мелочных делах, если это не было ему нужно, что происходило довольно редко. Слишком много хаоса, и рано или поздно кто-нибудь из самых умных идиотов заметит, что он был тем, кто всегда оказывался невредимым в разыгрывающейся вокруг него драме. Внимание со стороны этих безвольных глупцов было не тем, чего он добивался, вообще-то это было последнее, что было ему нужно, потому что внимание приносило нежелательные вопросы. Вопросы, которые, как считал его сэнсэй, лучше не поднимать.

Помимо того что казаться слабым было удобно, это же заставляло других неверно оценивать его истинную силу, его тщательно культивируемая аура слабости отталкивала от него других и позволяла ему проводить много времени "в одиночестве", и никто, даже его опекуны, не задавали ему вопросы. Его игра на виолончели была полезным прикрытием, позволявшим ему удаляться в глушь холмов, чтобы "попрактиковаться", не "беспокоя" других.

Если бы они действительно знали, чем он занимается, они, вероятно, бомбили бы этот район минами N2, до тех пока там ничего не осталось.

Тем не менее, несмотря на всю его уверенность в себе, он был потрясён текущими событиями, самым последним из которых была записка, которую он получил, написанная рукой его отца, содержащая одно слово: "Приди".

Резкость письма привела Синдзи в ярость, главным образом потому что он знал, что здесь действуют силы, о которых он не имел ни малейшего представления, и он подозревал, что от

этого вызова нельзя будет отказаться. Это была не просьба, это было требование. В данный момент его отец обладал властью, и Синдзи был не настолько глуп, чтобы бросить вызов такой силе. Пока что. Когда у него будет больше понимания, больше силы, тогда он сокрушит ублюдка. Раздавит его за то, что он бросил его, за то, что до этого момента считал его бесполезным.

Но в начале он обсудит это со своим сэнсэем.

Поэтому он спокойно ждал у входа в заброшенный горнодобывающий комплекс, поджав под себя ноги в позе лотоса, пока его сэнсэй не сочтёт нужным появиться. Ему не пришлось долго ждать, прежде чем он почувствовал на себе взгляд старика.

Это была ещё одна вещь, что беспокоила его в последнее время, потому что он узнал и понял, что его сэнсэй умирает, и так было с того момента, как он сюда прибыл. Однако только недавно это стало заметно, всё же, как только он осознал, просто размышляя о том времени, что они провели вместе, спустя много лет, стало ясно, что единственное существо, которое для него было, можно сказать, дорого, угасало и это происходило ещё до момента их первой встречи.

С горечью Синдзи также знал, что его сенсей умирает ради его блага, хотя Синдзи с радостью поменялся бы с ним ролями, если бы мог, всё же он знал, что это невозможно. Если бы это было так, его сэнсэй уже бы это предложил.

Таким образом, ни один из них не затронул эту тему, видя в этом пустую трату и без того драгоценного и скоротечного времени.

Синдзи повернул голову и сразу же спрятал своё потрясение за масками, что он носил. Сегодня будет подходящий день, чтобы поговорить об этих вещах. За два дня, прошедшие с их последней встречи, состояние его сэнсэя резко ухудшилось.

Почтительно склонив голову, Синдзи говорит: "Сенсей, я пришёл к вам с новостями, но я вижу, что нам обоим есть чем поделиться друг с другом".

"Действительно," - прохрипел его сэнсэй, его древний голос стал грубым и рваным, врождённое в нём благородство разлагалось, но всё ещё присутствовало.

"Вы бы предпочли, чтобы я сначала доложил вам или вы расскажете свою историю?" - Почтительно спрашивает Синдзи.

Наступила долгая пауза, прежде чем его сэнсэй прошипел: "Я мало что могу рассказать. Это потерянное, забытое измерение истощило мои силы с тех пор, как я только прибыл сюда. Когда так мало таких одарённых, как ты, у меня слишком мало сил, которые я могу использовать, поэтому я был вынужден сжигать свои собственные, просто чтобы выжить".

"И чтобы тренировать меня," - холодно отвечает Синдзи, зная, что это правда.

"Я долгое время боролся со своей собственной судьбой и всё ещё отказываюсь спокойно смириться с ней, но когда я нашёл тебя, я понял, что даже если ты не был моим спасением, то, передав тебе свою мудрость и знания, часть меня будет жить вечно. Как и моих братьев," - тихо

говорит его сенсей, прежде чем вытащить обманчиво хрупкие на вид кувшины, которые он всегда носит с собой, и поставить их перед Синдзи.

Синдзи холодно посмотрел на них, прежде чем сказать: "Они..."

"Теперь связаны с тобой", - перебивает его сэнсэй. "Независимо от того это из-за моей собственной уменьшившейся силы или того факта, что во время твоего обучения они ухватились за тебя как за новый источник существования, они больше не слышат моего призыва. Они твои и теперь только ты можешь командовать ими Синдзи, защищать и быть защищённым".

Низко кланяясь в знак уважения, Синдзи говорит: "Тогда я хорошо позабочусь о них, сэнсэй".

"Тогда это всё, что необходимо сказать по этому поводу," - бросая эту тему отвечает старик. "Какие новости ты хотел сообщить?"

"Мой отец вызвал меня. Как бы сильно мне не нравится, разумнее склониться перед ветром, когда знаешь, что он повергнет тебя, если ты будешь сопротивляться. Поэтому я должен покинуть это место, надолго ли мне не известно, но сейчас я понимаю, что это, вероятно, наша последняя встреча," - объясняет Синдзи.

Наступает короткая, комфортная пауза, прежде чем Синдзи почти что с радостью произносит: "Совпадений не бывает".

Его сэнсэй за мгновение настороженно осмотрел его, прежде чем так же объявить почти счастливым тоном: "Значит это финальная часть судьбы, которую мой Господин уготовил для меня. Я слишком стар, чтобы чувствовать горечь на данный момент, только удовлетворение от того, что хорошо сыграл свою роль. Я надеюсь".

Поднимаясь на ноги, его допотопные суставы протестующе скрипят, старик говорит: "Тогда пусть это расставание будет приятным: расставание учителя, которому больше нечему учить своего ученика".

Печально качая головой, Синдзи тоже встаёт и говорит: "Это наглая ложь, и я разочарован в тебе, сенсей, за то, что ты сделал это настолько очевидным".

Пожав плечами, старик говорит: "Я знаю", - прежде чем выпустить поток потрескивающих синих молний из своих пальцев. Поймав выстрел магической энергии взмахом своей собственной руки, Синдзи заземляет взрыв и дёрнув своей другой руки призывает к себе "трость".

Вытащив свое собственное оружие, его сенсей оживляет его, наполняя вход в шахту хриплым рычанием. Приподняв бровь, Синдзи ставит под сомнение разумность этого поступка, одновременно отмахиваясь от ментальных конструкций, что были посланны в его сторону на астральном плане.

Синдзи знал, что даже если его сэнсэй находится в таком ухудшившемся состоянии он не мог сравниться с ним ни в физическом, ни в психическом бою. Абсолютная победа была невозможна. И все же они сражались, потому что ни один из них не позволил бы Синдзи использовать это в качестве оправдания. В течение многих лет они неустанно тренировались,

стремясь к уровню совершенства, которого, как оба знали, Синдзи невозможно было достичь.

Но если человек не может достигнуть того, что находится за пределами его возможностей, то для чего тогда стоит жить?

Молнии и телекинетические взрывы разрывали пространство между ними, когда они делали ложные выпады и парировали, твёрдый металлический посох Синдзи со звоном отскакивал от брони его сенсея, в то время как он уклонялся от увечающих ударов, направленных в его сторону. Синдзи уже бы смог убить дюжину мужчин по сотне раз каждого, но против его сенсея эти удары были подобны причитанию младенца.

Обычно на этом месте они бы остановились, но когда сражение продолжилось, до него дошло, что его сэнсэй имел в виду именно то что сказал. Синдзи должен был выиграть этот невозможный бой, чтобы доказать свою состоятельность.

Расправив плечами, Синдзи выплюнул слово, которое не было словом, это даже не было в прямом смысле звуком, в это же время телекинезом притянул к себе четыре кувшина. Их крышки слетели, и в одно мгновение четыре вихря из праха сформировались между ними, затвердевая в виде четырёх бронированных фигур, что возвышались так же сильно, как и его сенсей, их голубые с золотом громадные тела образовали непреодолимую, смертоносную стену между двумя бойцами, направляя свое оружие на сенсея Синдзи.

На самое короткое мгновение его сэнсэй почувствовал боль, прежде чем он расхохотался и сказал: "Ох Синдзи, я вижу, что ты действительно принял мои уроки близко к сердцу! Такое изысканное предательство!"

Пожав плечами, но не теряя бдительности, Синдзи говорит: "Если они действительно мои, то они являются моим оружием, которым я могу воспользоваться по своему усмотрению, в том числе и против тебя".

Отключив оружие, жужжание зубьев топора затихло, его сенсей отдаёт должное и говорит: "Очень хорошо. Теперь найди другого учитель, так как наше время истекло".

Кивнув, Синдзи говорит: "Я бы запятнал вашу честь, если бы я не стремился стать лучше, измениться к лучшему".

Поклонившись друг другу, они больше не обменялись ни словом, когда его сэнсэй ушёл обратно в шахту, чтобы сделать её своей могилой. Синдзи собрал свои вещи и держался рядом со своими охранниками, пока не оказался достаточно далеко от шахты, зная, что предательство тоже было частью уроков. Только когда возникала заметная опасность того, что кто-то увидит его потусторонних стражей, Синдзи вернул их обратно в спячку в их кувшины.

Прибыв в дом своих опекунов, он вздохнул и задумался, что именно он возьмёт с собой.

В самой глубине шахты, где стены уже становились неустойчивыми, Кхнему (Khnemu), Колдун Тысячи Сынов, почувствовал, как последние остатки его энергии начинают ускользать, как будто последняя песчинка в песочных часах, кружащаяся перед своим падением. Десять лет он протянул в этом забытом богами месте, где его братья были убиты фактически мгновенно как только прибыли.

В течение десяти тысяч лет он держал своих четырёх братьев, братьев по крови и по оружию, рядом с собой, изменив заклинание Аримана специально для этих четверых так, чтобы они всегда были с ним. Ценой за это было то, что они черпали из него энергию, но с Хаосом всё возможно.

В том числе и то, что когда его корабль затерялся в Варпе он на самом деле оказался за пределами Варпа. При возвращении в нормальное пространство другие члены Тысячи Сынов упали замертво; их пустые доспехи теперь уже действительно были пусты, их души вырваны, так как силы, которой они питались, больше не было.

Кхнему спокойно покинул разрушающийся корабль, его братья были рядом с ним, в то время как демоны, вселённые в машины, кричали и бились в агонии, в то время как их сущность начала испаряться в ничто, пятеро из них стреляли в любого, кто был достаточно глупым, чтобы встать на пути. Его спасательная капсула была единственной, что смогла покинуть обреченный корабль.

Всё же цена, которую он заплатил, была весьма значительной, ему пришлось использовать свои собственные резервы силы вместо Варпа, чтобы подпитывать своих братьев. Это было ужасно, но Кхнему не был последователем Нургла, чтобы так легко поддаваться отчаянию. К тому времени, когда ему удалось выбраться из моря цвета тёмного вина в этот отсталый мира, он был почти что мёртв, его запасы энергии истощились.

И в дни спокойных размышлений он знал, что, где бы он сейчас не находился, он был вне досягаемости для богов. Это было место, куда не могла добраться даже сила Тзинча. И всё же, в неподвижной пустоте, где псайкеры и демоны не должны, не могли существовать, Кхнему нашел печального мальчика, который сиял ярче, чем маяк проклятого Труса на Троне, даже в то время когда его силы были неразвиты и заперты за тысячью барьеров. Возможно, он сиял так ярко, потому что был единственным существом с психической силой, что было возможно обнаружить, но благодаря его присутствию Кхнему смог черпать силу, пускай и немного.

Сначала он попытался подчинить колдовством мальчика, но он всё ещё был слаб и разум мальчика оказался более устойчивым к такому воздействию, чем ожидалось. Он дошёл до того, чтобы убедить мальчика не убегать, и вместо этого решил подружиться с ребёнком, разделить его секреты и боль. Его мать умерла, а отец бросил его, и он идеально подходил для того, чтобы взять под крыло.

Проходили года, Кхнему обучал мальчика колдовству и путям Хаоса. По мере того как сила мальчика росла, Кхнему так же мог больше черпать из него силы, но этого было недостаточно, её всегда не хватает. Десять тысяч лет службы Тзинчу изменили колдуна, и без Варпа его тело медленно разрушалось. Единственный способ получить достаточно силы, для поддержания его жизни, состоял в том, чтобы научить мальчика более мощным и сложным искусствам, что требовало обучения, а это истощало его резервы.

Мальчик стал бы потрясающим дополнением к Тысяче Сынов, но Кхнему знал: что в гонке между мальчиком, открывающим больше силы, и его встречей со смертью, он уже давно знал результат. Всё же, разве Тзинч не был Богом Перемен, Богом надежды? Кхнему отказался сдаться без боя.

Медленно его дыхание прекратилось, а сердце замедлило свой бег, последняя песчинка повисла, как муха, пойманная в янтаре над пропастью, в этот момент он впал в кому, в анабиоз, что могло дать Синдзи достаточно времени, чтобы полностью пробудить его истинный потенциал. Кхнему отказывался верить, что его бросили, и, на самом деле, подозревал, что он был отправлен сюда для того чтобы обучать Синдзи.

Чтобы однажды он мог привести Тзинча в эту мёртвую зону, чтобы забрать то, что по праву принадлежало Ему. Всё будет принадлежать Ему.

Синдзи стоял перед телефоном с раздражённым выражением на его лице. Очень полезной оказалась информация о том что найти убежище, когда чёртова система экстренного вещания отказалась сотрудничать и действительно сказать ему что-то полезное, например, где он может найти убежище. Какая бы чрезвычайная ситуация ни произошла в этом месте, она также эвакуировала мозги того, кто отвечал за её организацию.

Рыча во фрустрации, он достал единственное хоть сколько-нибудь полезное коммюнике, которое получил с тех пор, как отец отправил ему приглашение - фотографию бесстыдной женщины, что привлекала внимание к своим весьма значительным женским достоинствам. С чего она взяла, что такое будет уместно для мальчика его возраста, она последователь Слаанеш?

Именно в этот момент он почувствовал чье-то присутствие, покалывающее его восприятие. Повернув голову, как башню танка, он мельком увидел странную девушку с бледной, почти люминесцентно-белой кожей, голубыми волосами и красными глазами, уставившуюся на него, и он немедленно понял, что видит астральную проекцию. Однако прежде чем он смог сформировать свою атаку, фантом исчез, сменившись сотрясающим Землю тремором.

Присутствие - настолько огромное, что он не замечал его до этого момента, проявилось в его разуме, и Синдзи на мгновение ощутил страх, прежде чем подавил его. Страх был убийцей разума, а разум был инструментом, который Синдзи оттачивал в течение декады, чтобы стать его самым мощным оружием. Его первым побуждением было потянуться к запечатанным кувшинам, лежащим в сумке, но он быстро подавил его. Он всё ещё не знал, чем являлся его враг, и это не целесообразно - раскрывать свою силу, если в том нет действительной необходимости.

По мере того как земля продолжала сотрясаться, стал слышен рёв реактивных самолетов, несколько боевых кораблей появились в поле зрения, вместе с огромным существом что почти по-детски следовало за ними. Глаза Синдзи тут же сузились, и он прошептал: "Демон" выругавшись. Такое чудовище было слишком сильным для него, даже для его сэнсэя. Призывать его стражей сейчас было бы бесполезным занятием.

Как и ожидалось, когда ракеты проревев над головой и врезавшись в цель, ничего не смогли сделать со зверем в маске чумного доктора. Огромный светящийся таран вылетел из руки существа и сбил одно судно с небес, тем самым заставив его с грохотом разбиться рядом с Синдзи.

С неземным сиянием демон поднялся в воздух и приземлился обеими ногами на упавший аппарат, воспламенив его топливо и неразорвавшиеся боеприпасы превратив в оранжевый огненный шар. Синдзи инстинктивно воздвиг телекинетический барьер, чтобы защититься от сотрясения и шрапнели, но быстро сбросил его, когда синяя спортивная машина с визгом остановилась между ним и демоном.

"Залезай!" - Раздался женский голос, и Синдзи немедленно бросился в машину, больше озабоченный тем, чтобы уйти от всё продолжающейся битвы, чем своим унижительным положением из-за неловкой посадки в машину. Вдавлив педаль в металл, женщина рванула с места так же быстро, как и появилась.

Мисато, приподняв бровь, отметила громкий лязг, когда мальчик закинул свою трость, хотя, поскольку она была почти такой же длинны, как он сам, её, вероятно, лучше было считать посохом, назад, чтобы у него было немного свободного места, для того чтобы передвинуться, правильно сесть на сиденье и пристегнуться.

"Ах, Кацураги-сан..." - начал Синдзи.

"Зови меня Мисато", - сказала она с улыбкой, из-за чего Синдзи содрогнулся, так как она отвела взгляд от дороги, чтобы посмотреть на него.

"Ах, Мисато-сан, я собирался сказать... вы опоздали," - сказал Синдзи с некоторым раздражением. Если бы она приехала вовремя, всей этой истории со смертельной ситуацией, вероятно, можно было бы избежать, а люди, которые подвергали опасности его жизнь, как правило, раздражали его.

Мисато ответила своим раздражённым взглядом, прежде чем он превратился в нечто более похожее на смущение, и она сказала: "Мы не ожидали, что Ангел нападёт, в тот момент когда было запланировано забрать тебя, так что я застряла в пробке из-за эвакуации".

Приняв это во внимание, Синдзи слегка исследовал поверхность её разума и обнаружил, что она более или менее говорит правду. У него возникло незначительно ощущение, что она, возможно, всё равно бы опоздала, но если он копнёт глубже, она, вероятно, заметит и прокомментирует. К тому же отвлекать её от дороги было бы не хорошо.

Кивнув, Синдзи говорит: "Хорошо, извинения приняты, Мисато-сан".

На мгновение Мисато задумалась, должна ли она просить прощения за всю эту ситуацию, но она оставила эту тему. Синдзи был немного странным ребёнком; безусловно не такой как писалось в докладах о нём, которые ей переслали, о том как он вёл себя в школе. Она ожидала кого-то значительно более кроткого, более замкнутого, хотя после своего раздраженного выпада он, казалось, значительно успокоился, погрузившись в раздумья, наблюдая за воздушным сражением, что происходило слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно, даже если они отступали из зоны боевых действий.

Пережив ситуацию на грани смерти, человек имеет тенденцию показывать неожиданные черты характера. Мисато определённо знала это.

Разумеется, незаметно для неё, Синдзи на самом деле изучал поле боя своим разумом, держа своё сознание подальше от демона, что прямо излучал злобу. Но она была... грубой, почти что

детской по содержанию этих эмоций. Резко повернув голову, Синдзи внезапно почувствовал, как всплеск страха пронзил пилотов, когда они получили очень выразительный приказ отступить.

Мисато как раз остановила машину и достала бинокль, чтобы взглянуть на битву, когда Синдзи схватил её и потащил вниз, крича: "Ложись!" прямо в тот момент, когда боевые вертолёты начали улетать.

За мгновение до того, как Мисато смогла возмутиться, небо вспыхнуло белым, когда взошло второе солнце, и она стала действовать наоборот, сама попыталась защитить Синдзи, хотя ранее пыталась вырваться из его хватки. На удивление он был очень сильным для своего роста, его мышцы были как туго намотанные стальные тросы.

Поскольку Мисато смотрела в другую сторону, Синдзи также сумел воздвигнуть телекинетический барьер против надвигающейся ударной волны, угрожающей раздавить их. Машина покачнулась на двух колесах, когда через секунду барьер Синдзи рухнул, но она не перевернулась, вместо этого приземлилась с сильным ударом подвески.

"Как ты..." - вопросительно начала Мисато.

Пожав плечами, Синдзи сказал: "Я видел, как боевые вертолёты одновременно начали отходить. Я пришёл к выводу, что это означает, что грядёт что-то большое".

Это была правдоподобная ложь, и в хаосе момента Мисато полностью купилась на нее. Он уделял больше внимания битве, чем она, и у него определенно был вид спокойного, чувствительного человека, способного замечать подобные тонкие вещи. У него определенно была родословная для мозгов, чтобы сложить два и два вместе.

"Поехали, мы собираемся встретиться с твоим отцом", - сказала Мисато, снова заводя машину.

Несколько часов спустя, Синдзи мог только удивлённо смотреть на то, что оказалось перед ним. Титан. Они построили, задери их боги, Титана. К тому же Титана-Демона судя по ощущениям, исходящим от души... или это всё-таки было множество душ... он ощущал их запертыми внутри. В настоящее время он был ограничен и инертен, для активации ему требовался принцепс. Синдзи смог понять из поверхностных мыслей доктора Акаги, что они ожидали, что он станет пилотировать эту штуку.

Его проверка телепатией также обнаружила ещё один разум, наблюдающий за ним сверху.

Он повернул голову и посмотрел в затемнённое смотровое окно, чтобы холодно сказать: "Привет, отец", всего за долю секунды до того, как зажёгся свет и его отец смог обратиться к нему. Синдзи понял, что находится в довольно сомнительном положении. Его тщательно созданная маска слабости будет уничтожена, если он станет слишком сильно давить, но он ненавидел уступать больше чем было необходимо, тем более человеку что считал его бесполезным.

Гендо, со своей стороны, был застигнут врасплох, но умело подавил эмоции. Он хотел выбить из равновесия своего сына, но момент был упущен до того, как он смог что-либо сказать. Возможно, у него и была более высокая позиция, но в данный момент Синдзи одержал верх.

"Здравствуй, Синдзи", - так же холодно ответил Гендо, две женщины на мостике слегка

вздрыгнули от холода, что пробежал между ними. Небольшое понижение температуры также было вызвано тем, что Синдзи поглощал дополнительную энергию из своего окружения, чтобы кинуть не сильное проклятие в своего отца. Это было мелочно, но оно того стоило.

Гендо, со своей стороны, проявил невероятную решимость не выказывать нисколько слабости, даже когда его внезапно охватило ощущение того как тысячи муравьёв заползли под его кожу. Он открыл рот, чтобы заговорить, но его снова прервал Синдзи, сказав: "Я полагаю, что причина, по которой я здесь, заключается в том, чтобы я управлял этой штукой и вышел против "Ангела", осаждающего город над нами".

"Что?" - Начала Мисато и только сейчас увидела выражения лиц Гендо и Рицуко и поняла, что они именно этого и хотели.

Вновь про себя проклиная почти что провидческую способность своего сына узурпировать его слова, Гендо отвечает: "Да".

Синдзи метал молнии взглядом смотря на своего отца, в то время как женщины, что находились рядом с ним спорили о том, сможет ли он пилотировать это. У него было искушение сказать "да", отчаянно желая обладать силой этого Титана, но он прикусил язык и на мгновение воздержался. Разум его отца представлял собой плотный клубок мыслей и эмоций, причём плотно спрятанных, и поверхностные пробы ничего не выявили. Но разум, отточенный на заговорах и интригах Хаоса, подсказал ему, что от него ожидали отказа от предложения.

Это его весьма сильно раздражало. Его отец считал его слабаком, либо слишком жалким, чтобы просто отказать ему, либо слишком трусливым, чтобы согласиться вступить в бой используя машину, которую он никогда раньше не видел, и он ожидал что был верным последний вариант. У него всё ещё остался козырь, который можно разыграть.

Синдзи хотел, чтобы карта была разыграна прямо сейчас, когда она бесполезна, вместо того, чтобы остаться в невиденьи, какой именно козырь был у его отца, и надеяться что это не будет что-то такое перед чем он не сможет устоять, когда позднее это будет нечто важное.

"Нет", - просто сказал Синдзи. "Нет, я не буду пилотировать этот 'Евангелион', как ты его назвал. Ты не можешь просто бросить меня, а потом ожидать самоубийственной преданности."

Гендо принял это к сведению, а затем сказал: "Этот пилот бесполезен. Начинайте подготовку к вводу в юнит 01 Рей".

Синдзи проигнорировал вспышку гнева Мисато и протест доктора Акаги, против такого решения. Если бы у них был кто-то другой, кто мог бы пилотировать, но они привели его сюда вместо этого кого-то, тогда...

Он подавил желание удивлённо приподнять бровь при виде сильно перевязанной девушки, которую вкатывали на каталке; она была удивительно похожа на астральную проекцию, которую он видел ранее днём. Он выявил значительное психическое присутствие исходящее от неё, но оно было сильно ограничено, оно было похоже на то состояние, в котором его нашёл сэнсэй.

Голова Синдзи отвернулась от девушки, как орудийная башня, что обрела новую цель, и он мрачно сказал своему отцу: "Значит вот что ты используешь, шантаж? Ладно, я сделаю это".

Дело было не в том, что он заботился о благополучии девушки на носилках, хотя он и признал, что ему было интересно узнать о ней больше, а в том, что он должен был выглядеть так, как будто в нём на самом деле осталась хотя бы капля человеческого сострадания, иначе они его куда-нибудь засадят из-за дурацкого, необоснованного ужаса перед тем, что он может с ним сделать. Это было бы ошибкой и досадной помехой для планов Синдзи.

Его маска подверглась суровому испытанию, когда высоко над ними напавший Ангел пробил броню города и снёс подвесной небоскреб со своих креплений. Обломки посыпались на Геофронт, и часть потолка в ангаре Евы была выбита, падая прямо на девочку, которая вывалилась из своей каталки при первом ударе.

Синдзи схватил её, чтобы оттащить в сторону, двигаясь со скоростью чуть ниже сверхчеловеческой и намереваясь использовать свои силы, чтобы удержать стальные балки на долю секунды, чтобы они вдвоём успели убраться в сторону. Было бы неплохо заставить всех думать, что он действительно беспокоится о ней, а иметь принцепса Демона-Титана в должниках всегда полезно.

Удивительно, но убийственные обломки, что могли раздавить этих двоих, были остановлены когда Ева подняла руку, чтобы защитить их. А в тени под этой рукой Синдзи посмотрел вниз на девушку, которую он намеревался увести в безопасное место, и познал ярость. В её единственном открытом глазу была видна одна лишь боль, и он почувствовал, что её дух был сломлен снова и снова силами неподвластными ей. Его разозлило, что эта уникальная личность была почти что уничтожена, в то время как за её силу ей должны были поклоняться как богине.

Неужели именно это собирался сделать с ним его отец? Выжимать его, давить до тех пор, пока он не станет всего лишь инструментом в руках Гендо?

Осторожно положив уникальное существо обратно на каталку, Синдзи сказал ей: "Отдыхай, восстанови свои силы", прежде чем повернуться к Еве и прошептать: "Хорошо... ты знаешь, кто твой хозяин..."

Спустя несколько минут Синдзи оказался в контактной капсуле Евангелиона, наслаждался ощущениями от заколок А-10 в волосах, тем, как они усиливали его разум, хотя у него было смутное подозрение, что если он попробует что-нибудь, кроме телепатии, то взорвёт их. Когда оранжевая жижа начала заполнять капсулу, он почувствовал её дополнительно усиливающие психические свойства, но будет не очень хорошо давать им понять, что он сразу это понял.

"Эй! Что это такое?" Синдзи в ужасе вскрикнул из-за заполняющейся капсулы.

"Расслабься, Синдзи, это называется LCL и она сверх-насыщена кислородом, так что ты можешь свободно ей дышать. Это поможет синхронизироваться с твоей Евой и так же послужит в качестве амортизатора. Так что просто смиришься с этим," - отвергнув возмущения ответила Рицукэ.

Синдзи старался не хмуриться, задерживая дыхание, пока LCL не заполнила пространство над его головой, чтобы он смог резко выдохнуть весь воздух из легких. Человеческий рвотный рефлекс означал, что он вместо того что бы действительно вдохнуть её, вероятно, сильно бы наглотался ей, если бы там ещё оставался воздух. Вкус и запах были ужасны, чем-то напоминали кровь, но он быстро проигнорировал это, как не являющееся существенным в данный момент.

Энергия начала поступать из ядерных реакторов, расположенных глубоко в Центральной Догме, по силовому кабелю, и на лице Синдзи появилась дикая ухмылка, прежде чем он безжалостно подавил её. Сила! Сила! Вся сила целого мира, и он может делать с ней всё, что пожелает! Это была пьянящая смесь, и Синдзи пришлось проявить колоссальное самообладание, чтобы не захлебнуться в силе, к которой он стремился.

По мере того, как сила наполняла его, она также разбудила дикого демона, привязанного к этому Титану, пробуждая уже его самого от сна. Как он и подозревал, это был яростный зверь, определенно похожий на образ бога Кхорна, каким описал его сенсей. Ни один из них не знал, могут ли вообще такие создания существовать в этом месте, но если бы у этого зверя был бог, он, безусловно, был бы последователем безумного божества бессмысленной резни и разрушения.

Синдзи безжалостно подавил зверя, чья душа сдерживалась машинами и... чем-то ещё. Возможно, ещё одной душой? Это было едва уловимое присутствие, не желающее с готовностью делиться информацией о своей природе, слишком занято, поскольку оно сдерживало демона, заключённого внутри. Действительно могущественное существо, достойное его уважения. Я благодарен тебе.

Синдзи в ответ получил поток благодарности и... гордости? Это было так как будто это присутствие знало его. Ему придётся больше узнать о Евах, тем более что, как понял из разговора про него самого, он сомневался, что ему на самом деле полагалось знать об этих других разумах. Похоже что они были обеспокоены тем, что его коэффициент синхронизации постоянно то повышался, то понижался, и что существовала какая-то опасность заражения.

Вернувшись к общению с привязанными духами, Синдзи дождался, пока те, кто следил за ним, не убедились, что ситуация стабильна. А затем Мисато прокричала: "Запуск Евы!", - и Синдзи обнаружил, что его тело вдавлено в кресло из-за ускорения, когда Ева была запущена на поверхность по электромагнитным рельсам.

Синдзи вышел на поверхность прямо за спиной напавшего Ангела и проклял глупость того, кто выбрал для него эту позицию; он даже не знал, как заставить эту штуку двигаться... пока что...

Он начал смеяться, больным, истерическим смехом, который больше походил на крики ужаса, чем на нечто радостное. Если его отец хочет поиграть именно так, то он заставит его пожалеть за выбранный курс действий.

Внизу, на командном мостике Центральной Догмы, персонал сходил с ума, когда всё начало выходить из-под контроля, причём не так, как они когда-либо видели раньше.

"Коэффициент синхронизации поднимается, но мы теряем структурную целостность!" - Лейтенант Майя Ибуки лихорадочно закричала.

"Это невозможно! Это абсолютно не имеет смысла!" - Рицуко крикнула в ответ, но она сама видела, как это происходит на экранах дисплеев. Сигнал шёл вперед и назад, связь нервов формировалась и разрывалась случайным образом, часто пересекаясь друг с другом, и через всё это были слышны отчаянные крики Синдзи по каналу связи.

"Отключите звук, пилот явно сейчас не в своём уме", - холодно приказывает Гендо, ко всеобщему шоку. Им следовало бы отозвать обратно беднягу, но вместо этого они просто будут

игнорировать его крики. Аудиоканал был отключен.

Синдзи обычно являлся центром урагана, но внутри него так же был Хаос. Поэтому он инвертировал данную ситуацию и превратил барьер между ним самим и Хаосом в барьер между ним и всем внешним миром. Он был торнадо; непостоянный и привередливый, но бесконечно более разрушительный в отношении того, на что он был нацелен. Даже демон содрогнулся от этого внезапного приступа безумия, в свою очередь другое присутствие казалось скорее... разочарованным таким поведением, чем что-то ещё.

Хихикая в безумном ликовании, он направил свои мысли на приближающегося Ангела и сказал им: Вот это угрожает НАМ; вот это угрожает всему, чем МЫ являемся; что МЫ можем совершить. Оно должно УМЕРЕТЬ!

Ева завывала в бешеном восторге, когда духу берсеркера было приказано делать свое дело, рвать и уничтожать напавшего Ангела, в то время как Синдзи и другое присутствие удерживали поводок и давали стратегические советы. Ева нырнула под одну из светящихся рук-таранов и врезалась прямо в светящийся барьер, воздвигнутый Ангелом, чтобы защитить своё тело. Ева просто разорвала это поле на части и бросилась вперёд, сбив на землю удивлённого Ангела.

Глаза Ангела засветились, и шлем Юнита 01 сорвало фиолетовым взрывом, который разветвился в гигантскую крестообразную форму. Юнит 01 впился зубами в Ангела, прямо в лицевую маску чумного доктора, в то время как его руки впились в плоть его торса, разбрызгивая сине-фиолетовую кровь и кишки повсюду, пока два гигантских чудовища сражались. Ангел попытался обхватить одной рукой открытую голову Евы, чтобы ударить по ней в упор. Всё ещё таща за собой что-то из внутренностей Ангела, Юнита 01 перехватил руку и зверски сломал её повернув под таким углом, под которым она никак не могла находиться, прямо перед тем, как оторвать лицо своим ртом.

Ангел, видя, как приближается его собственная гибель, очевидно, решил, что он заберёт своего врага вместе с собой, и попытался обернуться вокруг Евы, во время своего самоуничтожения, но Синдзи и духи, скованные с машиной, не могли допустить этого, вместо чего били его в ядро настолько сильно, что кристалл треснул, и заставили Ангела отступить на землю, именно в этот момент он взорвался в крестообразной вспышке, которую можно было увидеть на большей части Японии.

Стоя в эпицентре, три души внутри Евы торжествующе ревели, как раз в этот момент внутренние батареи истощились, так как кабель был разорван вскоре после того, как он стал берсерком. Синдзи чувствовал, что при достаточном усилии воли он мог бы заставить машину продолжить действовать без внешнего источника питания, но такая нагрузка - оно того не стоило. Враг был их совместными усилиями размазан по земле, нет никакой необходимости переусердствовать. Пока что.

Синдзи проснулся вскоре после того, как его уложили в постель в одном из медицинских учреждений НЕРВ, и провел остаток ночи и большую часть утра, восстанавливая фокус своего разума. Периодические приступы безумия являлись в большей степени катарсисом, но он не мог пребывать к этому слишком часто, чтобы не потерять спокойствие, необходимое для того, чтобы оседлать шторм Хаоса, который он создал. Нет ничего более унижительного, чем

оказаться в ловушке собственных интриг из-за того, что ты не обратил должного внимания на то что происходит.

Пока Синдзи сидел на своей кровати, медленно вдыхая и выдыхая, он начал создавать наброски связей, что связывали всех этих людей вместе, течение сил и всех остальных кусочков информации, которые ему понадобятся, чтобы обрести контроль над ситуацией, пусть даже и из тени. Он знал удручающе мало и обладал почти такой же силой в данной ситуации.

Тогда его первым шагом должен быть поиск информации и выстраивание основы своей власти. Это потребовало бы не надолго принести в жертву ту силу, которой он сейчас обладает, и ему, вероятно, пришлось бы пойти на некоторые компромиссы. Ублюдок Гендо уже держал его на коротком поводке, но не настолько крепком, как он думал. Лучше притвориться дураком и слугой прямо сейчас, чем оказаться дураком и слугой позднее.

В первую очередь он должен начать с добычи ресурсов и установления контактов. Он неплохо разбирался в финансах и сумел открыть несколько трудно отслеживаемых счетов, в которых он спрятал кое-какие вложения. Не совсем огромнейшие количество, но значительно больше, чем у большинства детей его возраста. С ресурсами, текущими через NERV, он понял, что, вероятно, сможет так или иначе вытянуть что-нибудь из своего отца. А деньги, в свою очередь, различными способами помогли бы наладить контакты.

Он уже, пусть и в настолько ограниченном контакте с ними, начал налаживать дружеские отношения с командой техобслуживания Юнита 01. В конце концов было разумно, чтобы с людьми, которым ты доверяешь свою жизнь, хорошо обращались и заботились. Синдзи также планировал развивать свои отношения с Мисато, поскольку её должность тактического командира делала её полезным союзником, хотя ему всё же было довольно любопытно узнать и об её личностных качествах. Диссонанс между её, казалось бы, легкомысленным характером и её положением приводил его в ужас на нескольких уровнях. И хотя он сомневался, что сможет заполучить Рицуко в качестве союзника, в конце концов ему придётся что-то с ней сделать. Её знания в сочетании с оборудованием для наблюдением в Еве сделали бы использование всех его способностей проблематичным.

И наконец, была Рей, по большей части являлась загадкой для него, его краткое соприкосновение с её разумом не выявило абсолютно ничего, хотя стена боли в то время сделала трудным её чтение. Всё же, под этим фасадом в ней таилась огромная сила, возможно, даже большая, чем его собственная. Она была пешкой Гендо, она обладала огромнейшим психическим потенциалом, и она была его коллегой-пилотом. Каждый из этих пунктов в отдельности заслуживал дальнейшего изучения; все вместе - они требовали уделить им немедленно внимание и тщательного долгосрочного планирования.

Будет не очень хорошо позволить Гендо контролировать такую силу, особенно когда он сам бы мог ей распорядиться.

Нужно было разобраться с таким большим количеством деталей, собрать и тянуть за столько разных ниточек. Менее развитый ум содрогнулся бы из-за такого, но наставником Синдзи был колдун Тысячи Сынов (Thousand Sons). Он провел последние десять лет используя интриги и заговоры в качестве еды и питья. И как ни мерзко было это признавать, он также являлся сыном своего отца. Он что-нибудь придумает.

Чувствуя себя отдохнувшим и обновлённым, Синдзи выскользнул из постели и поднял свой

посох, который, несмотря на то, что внешне казался сделанным из дерева, на самом деле был десятикилограммовым металлическим шестом с несколькими необычными модификациями. Несмотря на то что его сенсей был колдуном, он всё же придерживался воинских традиций и верил в то что тренировка тела почти так же важна, как тренировка разума.

Медленная улыбка скользнула по лицу Синдзи, когда он проделал серию медленных движений своим посохом. Это на самом деле сделать было сложнее, чем на полной скорости, потому что поддержание тяжёлого шеста в правильном положении создавало серьёзную нагрузку на его мышцы. Ему было мало того, что он просто умел пользоваться посохом, он должен был стать мастером каждого движения. Ему ещё предстоял долгий путь, но уже успел довести до идеала несколько моделей действий.

Вот почему он улыбнулся. Хаос - это всё, включая порядок. Сломайте что-нибудь, и там есть законы, что отвечали за это. Возьмите любую отдельную деталь, и она может находиться сама по себе, совершенная и изысканная. Это были узоры, структуры что они создавали, когда соединялись вместе, сбивали с толку и приводили в ужас слабый разум. Став мастером каждого движения, Синдзи по своему желанию мог создавать бесконечную серию действий. Следующую часть атаки нельзя было предсказать, потому что любое, даже крошечное подергивание его мышц, должно было быть само по себе - совершенное выражение формы, что не зависит от предыдущего и будущего состояния.

Это был Хаос, абсолютное совершенство момента, позволяющее действовать независимо от предшествующего события или последующего действия. Это была свобода в её ультимативной форме. Несмотря на их внешнее разложение, последователи Нургла пребывали в стазисе момента, способные просто отмахнуться от пертурбации к их виду совершенства. Берсеркеры, последователи Кхорна, сфокусировали всё своё внимание на бурлящих насилием битвах, но все же они стремились к совершенству в военном искусстве. Последователи Слаанеш стремились к совершенству во всём, от битв до физических ощущений; они доводили себя до крайностей, чтобы стать мастерами в том, к чему стремились.

А ещё был Тзинч, бог, за которым Синдзи последовал бы, если бы мог. Тзинч учил, что абсолютное совершенствование самого себя, эволюция разума, тела и души, что в итоге это невозможно, потому что всегда есть способ измениться, стать лучше. В каком-то смысле это ограничивало свободу Хаоса, поскольку акцент на моменте был утерян, добавился компонент того что будет, но если ты контролируешь все части момента, за этим последует контроль над будущим.

Завершив своё последнее ката, его мышцы приятно болят от напряжения, Синдзи делает несколько растяжек, прежде чем положить посох рядом с остальными своими вещами, а затем покидает больничную палату, для того чтобы попытаться узнать больше о своём окружении. Время уже приближалось к полудню, и тусклый, бледный свет просачивался сквозь слегка облачное небо, вдали виднелись зелёные холмы, их цвет казался серым в рассеянном солнечном свете. Как будто весь мир был подавлен из-за прихода Ангелов.

Синдзи ощутил странное присутствие, покалывающее его разум, и он медленно повернул голову в сторону коридора, где обнаружил большую больничную кровать, которую катили по коридору. Ещё до того, как в поле зрения появился неподвижно лежащий на ней субъект, он понял, что это была Рей. Кроме него самого и его сэнсэя, она была вообще единственным известным ему существом с экстрасенсорным потенциалом.

В то время как её перевозили по коридору, его глаза встретились с её единственным здоровым глазом, и на короткое мгновение их разумы соединились. Она действительно обладала огромной силой внутри себя, но она была закована за дюжинами слоёв ограничений. То немногое, что просочилось во вне, она, по видимому, понимала, но использовала это в основном инстинктивно. Таким образом, она была явно удивлена и в замешательстве, обнаружив, как другой разум устанавливает контакт с её собственным.

То, что Синдзи обнаружил через связь, было холодным, бесстрастным пятном, лишённым каких-либо настоящих желаний, её душа была сломлена неизвестным насилием. Это была личность без желаний, без надежд, единственное что её выражает это отсутствие какой-либо определённости. Что касается Синдзи, то Аянами Рей была для него самым ужасным существом, с которым он когда-либо сталкивался, антитезисом всего чем он являлся. Ему придётся это изменить.

С точки зрения Рей - она была в ужасе от ощущения огромного разума, скрывающегося за этими тёмными глазами, разума жуткой сложности, на который она смогла лишь бросить мимолётный взгляд. Он был кипящим морем эмоций, что противоречили всему, что, как она думала, она знала о сущем. Он был сильным и уверенным в себе, а она чувствовала себя потерянной в его необъятности. И всё же, её также странно притягивали эти глаза, резонанс между ними двумя, какая-то более глубокая связь, которую ни один из них не мог понять.

А затем момент закончился, контакт прервался, когда кровать Рей проехала мимо и свернула в другой коридор.

После чего Синдзи провел следующие несколько часов, бродя по коридорам, создавал для себя новую маску. Старой, изображавшей кроткого интроверта, всё ещё можно было найти применение, но она не подходила для текущей задачи. Это была война. Война против Ангелов. Война против его отца. Для этой задачи ему нужно было новое лицо, лицо войны. Сопереживающий воин, что пройдёт среди раненых после сражения, больше переживающий за раны других людей, чем свои собственные.

Он рассмеялся про себя он, потому что, как и вся лучшая ложь, это была правда. Синдзи был невероятно чутким, ибо он разработал несколько разных способов проникнуть в головы других людей. Он был способе с лёгкостью поставить себя на место другого и увидеть мир его глазами. Но, как хороший игрок в шахматы, он делал это просто для того чтобы понять, о чём думают его противники. Он мог чувствовать и понимать их боль и страдания, и в то же время ему было плевать на них. Они это не он; их проблемы не были его проблемами, если только он сам не решал сделать их таковыми. Синдзи был переполнен эмпатией, но почти что не обладал сочувствием.

Синдзи уже был готов вернуться в отведенную ему палату, забрать свои вещи и отправиться узнавать, сможет ли он выписаться из больницы, в тот момент когда двери лифта перед ним открылись и из них вышел его отец. Синдзи уловил обрывок мыслей о том, что Гендо знает дорогу в палату Рей, и он понял, почему этот ублюдок был здесь.

"Здравствуй, отец", - ледяным тоном говорит Синдзи, беря инициативу в свои руки.

"Здравствуй, сын", - отвечает Гендо, в его голосе нет ни единого признака родительского тепла.

"Нам нужно поговорить, отец", - заявляет Синдзи.

"Не сейчас", - говорит Гендо, пытаясь отмахнуться от Синдзи, как будто он был каким-то куском грязи на его одежде.

"Нам нужно поговорить о моих требованиях для пилотирования Евы", - заявляет Синдзи.

"'Требования'?" - Гендо говорит так, как будто это слово вызывает у него отвращение самой своей сутью.

"Да, отец, требованиях. Я не хочу, чтобы ты держал здоровье Рей над моей головой, как Дамоклов Меч, каждый раз, когда захочешь, чтобы я был пилотом. В конце концов она поправится, и если ты не собираешься продолжать причинять ей вред, чтобы обеспечить моё согласие выполнять твои распоряжения, это означает, что моё присутствие больше не будет столь необходимым. Я чувствую, что необходимо более цивилизованное решение. Я хочу миллион иен в месяц в качестве зарплаты и выплаты за риск, я считаю, что заслуживаю того чтобы мог наслаждаться жизнью, если ты хочешь чтобы я бежал вперёд и пытаюсь покончить с ними, каждый раз когда появляется Ангел, и взамен я буду идеальным маленьким солдатом. Нет необходимости в угрозах и шантаже. Подкуп отлично с этим справиться", - объясняет Синдзи простым и деловым тоном.

Последовала долгая пауза, пока отец и сын пристально смотрели друг на друга, ни один из них до конца не понимал, очки Гендо блокируют или усиливают желчность, проходящий между их глазами, пока наконец, Гендо не сказал: "Ладно. Завтра ты получишь свой первый чек."

Прежде чем Гендо смог уйти, Синдзи добавил: "И это будет низким профессионализмом - просить о такой значительной прибавке к зарплате и не обратить внимание на то чтобы моим коллегам предоставлялись аналогичные выплаты, особенно на мой второй день работы".

Гендо на мгновение замолчал, и Синдзи удалось заполучить от него несколько запутанных мыслей, которые всплыли из океана его разума, прежде чем пренебрежительно сказать: "Пилот Аянами не нуждается в таких вещах".

"Почему?" - Синдзи надавил.

Гендо понял, что допустил небольшую тактическую ошибку, раскрыв нечто подобное, прежде чем сказал: "О ней уже хорошо заботятся, и её, в отличие от тебя, не волнует ничтожный материализм".

Туше, отец, туше. И всё же он отдал важную часть информации. Синдзи не совсем понимал, что именно, но это было важно.

"Если она не желает такой зарплаты, то это её проблемы, но если она попросит об этом, ты ведь будешь обязан выполнить её требования, не так ли?" Синдзи красиво вывернулся.

Чёрт возьми, почти все кто находился в больнице поёжились от ледяного взгляда, что прошёл между ними, прежде чем они разошлись. Оба ненавидели друг друга сейчас больше, чем когда-либо ранее, и каждый из них хотел знать, что за игру ведёт другой.

Синдзи ушел с ухмылкой на лице. Если бы его отец знал о его жажде власти, он, вероятно, мог бы просто сказать Синдзи пилотировать, и Синдзи подчинился бы. Он не собирался позволить

Титану выскользнуть из его рук. Но сейчас... прямо сейчас он продал своё послушание, в данном случае итак бесплатное, за миллион йен в месяц. Скорее всего, он мог бы запросить и больше, но миллион - это по-детски большая сумма, и он не хотел рисковать слишком сильно давя на своего отца. Такой человек вряд ли стал бы торговаться.

Вернувшись в свою комнату, чтобы забрать вещи, которые были оставлены там для него, Синдзи обнаружил Мисато, что искала его в соседнем коридоре. Она выглядела усталой, без сомнения работала большую часть ночи, а затем встала пораньше, чтобы ещё немного поработать. Нападения инопланетян, как правило, приводили к созданию большого количества работы с документами.

"Добрый день, Синдзи-кун", - не смотря на это с теплотой сказала ему Мисато.

Склонив голову в почтительном полупоклоне, Синдзи отвечает: "Добрый день, Мисато-сан".

Посмотрев на его посох и сумки, она сказала: "Как вижу, ты готов убраться отсюда".

Застенчиво улыбаясь, Синдзи говорит: "Ну, я... э-э ... не особенно люблю больницы". Искреннее высказывание, хотя он так и же не испытывал к ним большой антипатии, он просто приукрасил свой тон, чтобы позволить ей заполнить пробелы.

Улыбаясь, Мисато говорит: "Так же как и я. Пойдём, я здесь, чтобы отвезти тебя в твой новый дом."

"О?" - спрашивает Синдзи. Только если это не будет вместе с его отцом, тогда его всё устоит, хотя, куда бы он ни отправился, везде неизбежно будет полно подслушивающих устройств. Это будет весьма раздражать и неприятно в долгосрочной перспективе.

"Ага! Пошли, давай вытащим тебя из этой унылой больницы," - говорит Мисато, беря Синдзи за руку и выводя его из здания к своей всё ещё потрепанной и помятой синей спортивной машине.

После того, как Синдзи закончил складывать свои вещи на заднее сиденье, Мисато весело, но осторожно спросила его: "Итак, почему у тебя такая тяжелая трость?"

Пристегнувшись, Синдзи быстро формулирует свой ответ. 'Потому что мой сэнсэй - суперсолдат-псайкер потребовал, чтобы у меня было оружие, способное выдержать несколько ударов цепного топора', - вообще-то просто не подойдёт. У него был ответ чуть меньше чем через секунду, но он решил разыграть его в течение целых трех секунд, даже вызвав небольшой взволнованный румянец, прежде чем, наконец, медленно и запинаясь, сказал: "Ну... Мне нравилось гулять по лесам моего старого города, и поэтому я начал брать с собой трости... и, я полагаю, хотел стать сильнее... чтобы, возможно, люди заметили меня... поэтому я начал искать всё большие и большие трости... пока однажды я не нашел металлическую трубу... но я не хотел, чтобы люди думали, что я странный... поэтому я сделал так, чтобы она выглядела так, будто это просто ещё одна деревянная трость".

Мисато некоторое время пассивно смотрела на него, прежде чем улыбнуться и сказать: "И это сработало?"

"Я... я полагаю, что я действительно стал сильнее", - почти жалобно говорит Синдзи. Опять же,

он не врал; он просто преуменьшил то, насколько он силён. По каким-то генетическим причинам у него ещё не было никакого скачков роста, и все его мышцы были крепкими и тощими, но он мог жать лёжа примерно половину массы своего тела. Конечно, он также мог бы бросить данную машину через квартал с помощью телекинеза, но это было жульничеством.

Синдзи любил жульничать. Или, как выразился его сэнсэй: "Выиграй, и ты перепишешь правила так, чтобы это будет честно в ретроспективе. А потом посмейся над глупцами, что жалуются на это".

Некоторое время они ехали в уютной тишине, прежде чем Мисато заговорила снова и спросила: "Итак, тебе нравится гулять по лесу?"

Кивнув, Синдзи говорит: "Это позволяет мне уйти от остальных, насладиться тишиной и спокойствием".

Мисато выглядела опечаленной этим и спросила: "Почему тебе нравится быть одному Синдзи-кун?"

Синдзи на мгновение нахмурившись, сформулировал идеальный ответ на это, прежде чем произнести: "Люди постоянно наполнены болью и проблемами, и от этого может быть больно, если я всё время буду окружён таким... поэтому, когда мне становится невыносимо, мне просто нравится убегать от всего этого."

Ещё одна искажённая истина, а правда заключалась в том, что когда он окружён ничтожными идиотами, которые слишком слабы, чтобы должным образом решить свои проблемы, это сводит его с ума, вызывая отвращение. Именно такая недосказанность постоянно заставляет людей думать, что он в большей степени чувствительный интроверт, чем был на самом деле. Отсутствие таких слов также вводило людей в заблуждение, заставляя думать, что ему действительно не всё равно и есть дело до их проблем.

Нахмурившись из-за этого, на нескольких мгновениях не произнося ни слова, Мисато, наконец, отвечает: "Ну, ты знаешь, что говорят: Разделённая боль становится меньше, разделённая радость становится больше". Это потому что счастье в неведении, а интеллект группы обратно пропорционален количеству людей в ней, подумал Синдзи с раздражением из-за поверхностности данного утверждения, но он просто ответил достаточно меланхолично и неискренне: "Я полагаю..."

"Что ж, не унывай, скоро ты будешь в своём новом доме", - говорит Мисато, внезапно весёлым тоном, явно пытаясь поднять настроение.

Выглянув в окно машины, с задумчивым видом, Синдзи говорит: "Я сомневаюсь, что буду жить с моим отцом".

"Ох, перестань Синдзи-кун, он же твой отец", - указывает на это Мисато.

"С тех пор как умерла мама, мы совсем не ладим. Мы вдвоём не смогли бы жить вместе," - с горечью говорит Синдзи, без фальши или недомолвок. Тот факт, что причина, по которой они не могли жить вместе, заключалась в том, что они, скорее всего, попытались бы убить друг друга в первый же день, если бы их заставили жить вместе, это уже совершенно другая тема. И как тот, кто способен метать молнии с кончиков пальцев и заставлять головы взрываться от одной силы мысли, Синдзи был по большей степени уверен, кто победит. Только по большей

степени, потому что его отец был умным ублюдком, и существовала небольшая вероятность того, что у него была какая-то мера противодействия таким атакам.

"Да ладно тебе, не может быть чтобы всё было настолько плохо", - говорит Мисато в какой-то степени отмахиваясь от его слов, несколько шутливо и несколько обеспокоенно.

"Подожди и увидишь", - кисло говорит Синдзи.

Боги! Как же это могло произойти? Он был так близок к тому, чтобы жить одному, пусть и вместе с ожидаемыми подслушивающими жучками, с которыми придётся иметь дело, когда внезапно Мисато пришла в голову блестящая идея взять его под свою опеку. Тонкого телепатического убеждения было недостаточно, чтобы увести её от этого курса действий, её неукротимая воля с лёгкостью избавлялась от его слабого вмешательства, и он опасался, что ничто, кроме глубокой и довольно заметной, со светящимися глазами, очевидной атаки, не даст желаемых результатов.

Всё же он, по крайней мере, мог восхититься тем фактом, что у неё действительно было столько силы воли. Казалось, что как только она решилась на что-то, она придерживалась этой идеи, и почти ничто, чёрт возьми, не могло сбить её с выбранного пути.

Прямо сейчас они ехали по шоссе за город, на коленях у Синдзи лежала сумка с продуктами, и он задавался вопросом, на какой именно ад его только что обrekli.

"Куда мы направляемся?" - тихо спросил он.

"В одно особенное место", - отвечает Мисато, прежде чем съехать с шоссе на смотровую площадку, откуда открывается вид на Токио-3.

Выйдя из машины, Синдзи не мог ничего поделать, это его не впечатлило. Город выглядел таким безлюдным, унылым, что вряд ли можно было назвать его великим творением, которым его так часто называли.

Мисато посмотрела на часы и сказала: "Вот оно..."

Из далекого города донёсся вой дюжен сирен, и с грохотом оживая великие машины, начали открываться огромные отверстия, а затем из Земли начали подниматься небоскребы, город, который вчера был подвешен на вершине Геофронта, сегодня поднялся на естественный свет.

В этот, один из очень редких моментов в его жизни, Синдзи не смог удержать ликования. С одной стороны, он был в восторге, увидев, что этот город был практически гигантским памятником Богу Перемен, способным настолько радикально менять свою форму между битвой и миром. С другой стороны, четырнадцатилетний мальчик внутри него мог думать только о том, как же круто было нечто-то подобное.

"Они поднимаются из земли! Это потрясающе!" - взволнованно воскликнул Синдзи.

Улыбаясь внезапной смене его постоянно тихого и угрюмого настроения, Мисато говорит: "Этот город - крепость, созданная для того, чтобы противостоять Ангелам. Это Токио-3. Это наш город, и это город, который ты спас".

Пока солнце садилось на заднем плане, Синдзи протянул руку, как будто хотел схватить всё это. Мисато показалось, что он пытается всё это принять. На самом деле Синдзи давал молчаливое обещание, что однажды всё это будет принадлежать ему.

Оставшаяся часть поездки в машине прошла в приятной тишине, Мисато немного болтала ни о чём, в то время как Синдзи обнаружил, что не в состоянии сохранять маску хандры после того, как увидел нечто подобное, поэтому он просто улыбался и время от времени делал редкие комментарии. К тому времени, когда они подъехали к её дому, уже наступила ночь.

"Остальные твои вещи уже должны были быть доставлены. Я сама только что переехала," - говорит Мисато, когда они шли к её апартаментам от лифта. Там действительно находились коробки, которые Синдзи отправил ей, ожидая их у двери.

"Заходи внутрь Синдзи, теперь это твой дом", - с теплотой говорит Мисато.

Поколебавшись всего секунду, Синдзи переступает порог и говорит: "Я дома".

"О, если тебе не трудно, ты можешь положить продукты в холодильник?" - говорит Мисато, направляясь в, как предположил Синдзи, либо её комнату, либо ванну.

Заходя на кухню и главную гостиную, Синдзи с трудом подавил желание бросить сумки и упасть на колени в мучительном крике. Есть Хаос, а есть вот это! Мешки с мусором на полу, разбросанные повсюду журналы и смятые пивные банки, скорее всего, всё это неминуемо переполнено бесчисленным количеством паразитов.

Он пересмотрел своё первоначальное мнение о том, что она последовательница Слаанеша. Она была чёртовой принцессой-демоном Слаанеш, да так и есть!

Осмотр её холодильника не выявил ничего, кроме пива и пакетов с едой быстрого приготовления. Синдзи чувствовал что теряет здоровье, просто глядя на это. Он бросил взгляд на другой холодильник и спросил: "Что в этом холодильнике?"

"Ох, он, наверное, просто спит", - ничем не помогая ответила ему Мисато.

Застонав, Синдзи снова задался вопросом, на что же его обрекли.

Через полчаса Синдзи в немом изумлении уставился на Мисато, что была в жёлтой рубашке без рукавов, обтягивающих джинсовых коротких шортах и явно без лифчика. Однако он не пялился на её женские прелести, а просто на то, как она допив ещё одно пиво, приступила к пиршеству из еды, приготовленной в микроволновой печи, что была выложена на столе.

Может быть, если я опечатаю апартаменты Символами Хаоса, я смогу контролировать этого демона... проклятье, сэнсэй только бегло прошёлся про призывы демонов! И я почти ничего не знаю о Слаанеш, чтобы даже надеяться контролировать эту принцессу демонов!

Закончив с пивом, которое она выпила одним залпом, Мисато ударяет банкой об стол и издает громкий, восторженный рёв, прежде чем сказать: "Жизнь не может быть лучше чем это, не так ли, Синдзи?"

Синдзи решил не комментировать взгляд Чингисхана на эту тему, но вместо этого сказал: "Неужели всё это действительно необходимо?"

"Ну разумеется, глупенький!" - Воскликнула Мисато, открывая очередную банку пива. Что за чертовщина, её тело считало что этанол это вода? "Это твоя приветственная вечеринка!"

Вздыхнув, Синдзи просто качает головой и пытается найти хоть что-то, что Мисато не было покрыто густым, похожим на слизь острым соусе, которым она обильно залила всю свою еду. По-видимому, это была комбинация кристаллического капсаицина, растворённого в серной кислоте, с добавлением сырого васаби для аромата. Синдзи был совершенно уверен, что это вещество может перегрузить вкусовые рецепторы космодесантников Детей Императора.

В разговорах с ней он быстро начал понимать, что её Слаанешские черты простирались от совершенно очевидных к более тонким. Как и в случае с Принцем Удовольствий (Prince of Pleasure), отношение Мисато к выпивке и вечеринкам было не только самоцелью, просто, как только она настроилась на что-то, она должна была довести этот аспект своего характера до самого предела. Хотя прошлой ночью он был слишком занят, став берсерком, чтобы обращать внимание на то что она говорила, тот факт, что она была тактическим командиром НЕРВ, указывал на то, что она была образцовым солдатом и командиром.

А сейчас она, кажется, вознамерилась стать ему матерью, хотя он сомневался, что она это уже поняла, что она по-настоящему сама себя понимала. Эти её попытки были неловкими и неуклюжими, но, чёрт возьми, она собиралась выложиться по полной. Мысль о том, что Слаанешит проявляет материнскую заботу, одновременно интриговала и приводила в ужас Синдзи, и он, к большому огорчению, знал, что испытает это на себе.

Это также требует от него большего изменения зарождающихся планов, которые у него были на Мисато. Она уже сильно продвинула солдатский аспект своей личности, так что его сочетание с недавно пробудившимся аспектом материнства было рецептом для мгновенного создания модели поведения мама-медведица. Хитрость заключалась в том, чтобы она постоянно думала о нём как о своём детёныше, а это означает, что он должен быть осторожным, манипулируя ей. Она могла бы стать полезным опекуном, но это потребует чтобы он оставался ей верен.

Если ему когда-нибудь будет нужно предать её, ей придётся мгновенно умереть, в лучшем случае до того как она поймёт что произошло. Таким образом, на тот случай, если 'мгновенная смерть' превратится в 'не совсем мёртв', она не узнает об этом. Никогда не забывайте о запасных планах, даже на случай маловероятных событий. Такие вещи, как правило, имеют тенденцию кусать тебя за задницу.

Конечно, так же была и часть Синдзи, которой всё ещё было четыре года, он плакал, оставшись в полном одиночестве во всём мире, в тот момент когда его мать исчезла за смертной завесой, а отец бросил его, кто был способен только с благоговением наблюдать, как существо, кто станет его сэнсэем, выходит из волн, как некий древний бог. Несмотря на все интриги, боль, постоянные предательства, его сэнсэй действительно заботился о нём, его суровые методы обучения было всего лишь способом выражения его симпатии, какой бы она ни была. Его сэнсэй пришел из жестокого мира, и он требовал сила. Он проявил бесконечное терпение, обучая маленького мальчика, чтобы вырастить его из слабака, которым он тогда был, и никогда не давил на Синдзи сильнее, чем мальчик мог бы вынести.

И Синдзи скучал по этому. Странная родительская связь возникла между ними двумя во время их тайного обучения, извращённая пародия на любовь между двумя безумными личностями. Они безоговорочно приняли друг друга, зная, что, даже если один из них ударит другого в

спину, они в итоге всё равно дорожили друг другом.

Кто он такой, чтобы говорить, что ему нет до неё дела; всё равно если эта испорченная женщина пытается создать странную материнскую связь между ними, что-то вроде извращённой формы любви для двух безумных личностей?

Ох, это действительно так, ученик чернокнижника Тысячи Сынов; поклоняющегося Плетущему заговоры Богу Тзинчу (Scheming God Tzeentch).

Он не станет дешево продавать жизнь и верность Мисато, но за верную цену, можно было продать всё. Для Мисато цена измерялась не в деньгах, и даже не обязательно это делать ради власти, но он мог придумать несколько предложений, которые можно было бы сделать, на которые он мог бы согласился.

Как только они закончили ужинать, Мисато приступила к уничтожению Синдзи в 'камень-ножницы-бумага' где решалось, кто какую должен будет делать работу по дому. Разумеется, Синдзи старался проиграть, а пси способности сделали предсказывание того, что она собирается выбрать, очень лёгким делом. Если бы он не пытался проиграть каждый раунд, он всё равно, вероятно был бы уничтожен. Мисато была чудовищно хорошо читала его, и ему приходилось закрываться всё больше, чтобы быть уверенным, что она не смогла понять тот факт, что он выхватывал её движения прямо из мозга.

Как только ему было поручено всё, за исключением стирки, задача, которая его особенно не интересовала, он изобразил недовольство тем, что у него так много дел, и, ворча, начал убирать со стола. Про себя он был вне себя от радости. Эта квартира никогда не станет чистой, если Мисато будет заниматься делами по дому, к тому же акт уборки состоял в том, чтобы изменить окружающую среду, бороться против разложения и энтропии, деяние которое нравилось Тзинчу. Это была мелочь, но жизнь состоит из малых дел и больших дел, а маленькие происходили чаще.

Чувствуя, как этот долгий день и день перед ним, начинали давить на него, Синдзи решил принять ванну, прежде чем лечь спать. Не никакой необходимости пахнуть как последователь Нургла, тем более что душ, который он принял после того, как вылез из контактной капсулы, можно лучше всего описать как полив из шланга.

Раздевшись, он открыл дверь в ванную, только для того, чтобы обнаружить пингвина с другой стороны. Они оба мгновение смотрели друг на друга, прежде чем Синдзи пожал плечами, и они поменялись местами.

Либо у него были галлюцинации от соуса чили Мисато, либо он только что видел, как пингвин вышел из ванной. Любой из этих вариантов подтверждал тот факт, что он находился в логове Хаоса. Возможно, не тот, который он бы предпочёл, но он умеет вести дела с Хаосом.

Насладившись хорошим длительным отмоканием, чтобы очистить свой разум, Синдзи отправился в комнату, которую Мисато выделила для него. Все его вещи всё ещё находились в коробках, но он позаботился о том, чтобы перед сном установить небольшое святилище. На маленьком деревянном столике он расстелил голубую скатерть, расшитую Звездой Хаоса (Star of Chaos) и Оком Тзинча (Eye of Tzeentch), а затем расставил каноны (ритуальные сосуды), в которых хранился прах его бессмертных стражей.

Он склонился в безмолвной молитве богу, который мог существовать только в рассказах его сэнсэя, в этот момент Мисато просунула голову, чтобы проверить его.

"Что это Синдзи-кун?" - С любопытством спросила она.

Грустно улыбнувшись, Синдзи сказал: "В моём старом городе я был очень хорошим другом одного старика, последним членом всей его семьи. Как раз перед моим отъездом он отдал мне прах своих братьев, чтобы я позаботился о нём, потому что он знал, что его время скоро придёт, и он не хотел, чтобы они остались забытыми, чтобы никто не помнил их имен; кем они были".

Мисато чуть не бросилась к Синдзи, чтобы заключить его в объятия и разрыдаться, сказать ему, что ему не нужно быть настолько самоотверженным и благородным, что он был просто ребёнком, но вместо этого она просто сказала: "Я горжусь тобой, Синдзи-кун", прежде чем отвернуться, чтобы скрыть слезы, выступившие на её глазах.

Когда она благополучно скрылась из виду, Синдзи позволил змеиной ухмылке проскользнуть по своему лицу. Офигеть, я хорош!

<http://tl.rulate.ru/book/61557/1599970>